

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Конституционное и административное право»

(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Государственно-правовая

((направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Обеспечение и реализация права на свободу слова и информации в Российской Федерации»

Студент

В.А. Янков

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Н.В. Олиндер

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Аннотация

В современных реалиях значение права на свободу слова и информации сложно переоценить, с учётом как социального, так и технологического развития общественного устройства. Коммуникативное взаимодействие вышло на новый уровень, пересекая границы регионов и даже государств, а распространение массовой информации вышло за пределы традиционных СМИ благодаря современным технологиям, что актуализирует вопросы связанные с определением меры свободы слова и информации в прогрессивном государстве.

Поиск оптимального баланса прав и свобод личности в информационном обществе, а также установление равновесия в соотношении частного и публичного интереса, составляют в настоящий момент актуальную задачу для учёных и практиков.

Цель исследования: проанализировать проблемы, связанные с обеспечением и реализацией права на свободу слова и информации в Российской Федерации.

Объект исследования: общественные отношения, связанные с реализацией конституционного права на свободу и информацию в РФ.

Предмет исследования: конституционно-правовые нормы, положения иных нормативно-правовых документов, а также материалы правоприменительной практики, связанные с обеспечением и реализацией права на свободу и информацию в Российской Федерации.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Общая характеристика права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	7
1.1 Исторический аспект закрепления права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	7
1.2 Понятие права на свободу слова и информации и его место в системе прав и свобод личности.....	15
Глава 2 Особенности обеспечения права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	24
2.1 Международно-правовые стандарты обеспечения права на свободу слова и информации.....	24
2.2 Анализ конституционных гарантий, направленных на обеспечение права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	29
Глава 3 Проблемы реализации права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	39
3.1 Особенности реализации права на свободу слова и информации в сети Интернет.....	39
3.2 Пределы и особенности защиты права на свободу слова и информации в Российской Федерации.....	47
Заключение.....	58
Список используемой литературы и используемых источников.....	65

Введение

Актуальность исследования. Свобода слова и информации относится к сравнительно новым «приобретениям современной цивилизации», в связи с тем, что человеческое общество на протяжении многих столетий не расценивало обозначенную свободу, как неотъемлемую составляющую общественной жизни, в связи с чем исторический контекст изобилует примерами практически полного отрицания со стороны представителей власти данного права свободной личности.

В действующей Конституции Российской Федерации [25] (Конституции РФ) обозначенное право нашло своё отражение, как необходимый элемент демократического, правового и социального государства, в качестве которого провозглашена Российская Федерация.

В современных реалиях значение данного права сложно переоценить, с учётом как социального, так и технологического развития общественного устройства. Коммуникативное взаимодействие вышло на новый уровень, пересекая границы регионов и даже государств, а распространение массовой информации вышло за пределы традиционных СМИ благодаря современным технологиям, что актуализирует вопросы связанные с определением меры свободы слова и информации в прогрессивном государстве.

Очевидно, что не всякие суждения и не всякая информация может и должна получать распространение, представляя опасность для жизнедеятельности общества и интересов государства (призывы к совершению насильственных действий, разжигание межнациональной или религиозной вражды, разглашение информации, составляющей государственную и иную охраняемую законом тайну и т.д.)

С другой стороны, существенное ограничение свободы слова и информации, даже продиктованное благими намерениями законодателя, чревато переходом к диктатуре и созданию непреодолимых препятствий для

реализации многих демократических принципов, успешно реализуемых сегодня, во многом, благодаря анализируемому праву.

В связи с этим, поиск оптимального баланса прав и свобод личности в информационном обществе, а также установление равновесия в соотношении частного и публичного интереса, составляют в настоящий момент актуальную задачу для учёных и практиков.

Цель исследования: проанализировать проблемы, связанные с обеспечением и реализацией права на свободу слова и информации в Российской Федерации.

Задачи исследования:

- рассмотреть исторические предпосылки формирования и правового закрепления права на свободу слова и информации в отечественном государстве и праве;
- сформулировать определение понятия права на свободу слова и информации, с учётом современных подходов к пониманию данного конституционного права;
- обозначить международно-правовые стандарты, а также произвести анализ конституционных гарантий, направленных на обеспечение анализируемого права в Российской Федерации;
- рассмотреть специфику реализации права на свободу слова и информации в сети Интернет, а также ряд вынужденных правоограничений, устанавливаемых в данном направлении государством и т.д.

Объект исследования: общественные отношения, связанные с реализацией конституционного права на свободу и информацию в РФ.

Предмет исследования: конституционно-правовые нормы, положения иных нормативно-правовых документов, а также материалы правоприменительной практики, связанные с обеспечением и реализацией права на свободу и информацию в Российской Федерации.

Методология исследования: в основе дипломного исследования лежит ряд методов научного познания, таких как метод сравнительного анализа, исторический метод, логический и аналитический метод и т.д.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы, которые в той, или иной мере касаются реализации права на свободу и информацию, в разное время, являлись предметом исследования многих специалистов. Следует выделить работы таких авторов как: М.В. Баглай, Л.М. Большаков, Ю.И. Гришаева, В.Д. Зорькин, В.А. Кочев, В.Н. Кудрявцев, С.А. Куликова, В.А. Четвернин, А.Б. Эктумаев и других авторов.

Научно-практическая значимость исследования. В теоретическом плане, проведённое в рамках выпускной квалификационной работы исследование позволяет сформировать комплексное представление о конституционном праве на свободу и информацию в РФ.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования сформулированных выводов и предложений в правоприменительной деятельности.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика права на свободу слова и информации в Российской Федерации

1.1 Исторический аспект закрепления права на свободу слова и информации в Российской Федерации

Право на свободу слова в России имеет продолжительную историю. Условно, формирование и развитие данного права, применительно к развитию отечественного государства и права, можно разделить на три периода:

- дореволюционный период;
- советский период;
- современный период.

Как верно отмечается в науке, с развитием права на свободу слова и информации неразрывно связано формирование и последующая трансформация, с учётом социально-правовых реалий исторической действительности, такого явления, как цензура.

«Цензура – это просмотр произведений, предназначенных для печати, постановки на сцене и т.п., иногда также корреспонденции с целью надзора» [33, с. 758] – так определяется данное понятие в словаре русского языка.

С позиции культурологии, цензура представляет собой «институт поддержания религиозных, нравственных, эстетических традиций» [29, с. 12].

Цензура в широком смысле слова – это «социокультурная система, предназначенная для контроля за созданием, распределением, хранением и потреблением информации и действующая в соответствии с потребностями и интересами организующей её властной инстанции» [8].

Соответственно, цензура всегда рассматривалась и рассматривается, как средство ограничения свободы слова и информации. В этой связи

обозначим основные аспекты исторического развития права на свободу слова и информации во взаимосвязи с данным явлением.

В дореволюционный период развития российской государственности право на свободу слова и информации, как таковое, не находило своего закрепления, однако, государство предпринимало активные шаги по закреплению цензуры.

В первую очередь необходимо упомянуть принятый в 1782 г. Устав благочиния, которым фактически предусматривалось цензурное регулирование.

Как отмечается в литературе, «соответствующая деятельность в этот период времени носила характер административного усмотрения и само содержание цензуры (правил, которые запрещается нарушать) в законодательстве не закреплялось» [55, с. 356].

Немного позднее, в 1783 г. был принят Указ Екатерины II «О вольных типографиях», которым разрешалось создавать типографии для печати книг без какого-либо специального разрешения, но с уведомлением Управы Благочиния. Как отмечалось в данном Указе, «в сих Типографиях печатать книги на Российском и иностранных языках, не исключая и восточных, с наблюдением, однако ж, чтоб ничего в них противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было; чего ради от Управы Благочиния отдаваемые в печать книги свидетельствовать, и ежели писанию явится, запрещать и в случае самовольного напечатывания таковых соблазнительных книг, не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг сообщать, куда надлежит дабы оные за преступление законно наказаны были» [58].

Таким образом, государством устанавливалась цензура печатной продукции. В данном ключе, цензура реализовывалась как средство обеспечения государственной безопасности.

Р.И. Бурлакова отмечает, что «в XVIII в. все указы, касающиеся цензуры печати, носили, как правило, индивидуальный характер и не вводили цензуру как явление массового характера. Цели, задачи цензуры в законодательстве этого периода четко не определялись, но уже в XVIII веке законодательно проводилось разделение светской, духовной цензуры, цензуры иностранных изданий» [10, с. 14].

В целом, основой, на которой производилась цензура как в данный период времени, так и в дальнейшем, стали религиозные нормативы, а также ценности нравственного характера, существовавшие в рассматриваемый исторический период.

В качестве применяемой меры ответственности, представители власти, как правило, производили изъятие опубликованной продукции и применяли денежное взыскание.

В начале XIX столетия нормативное регулирование цензуры развивалось, находя большую конкретизацию в нормативно-правовых документах того времени. Совершенствовались административные средства воздействия на лиц, нарушающих устанавливаемые требования в данной сфере, усиливалось ведомственное регулирование, появились цензурные Уставы – в качестве первого цензурного устава можно назвать документ, утверждённый 09.07.1804 г.

Также существовала «предварительная цензура», представлявшая собой предварительное согласование текстов, касающихся государственного управления.

Именно контроль за обнародованием информации, касающейся государственно-управленческой и политической сфер, в рассматриваемый исторический период, был ключевым.

К концу 20-х годов XIX столетия было принято ещё несколько Уставов – 1826 г. и 1828 г., положения которых усиливали цензурный контроль со стороны государства.

Цензурный Устав 1826 г. предусматривал, как отмечается исследователями, «конкретные дифференцированные меры ответственности авторов и цензоров. Механизм предварительной цензуры предполагал также перенесение мер ответственности с авторов, издателей и редакторов на цензоров, которые допустили соответствующее издание к печати» [10, с. 18].

С 1862 года основным нормативным актом, регулирующим вопросы цензуры, являлись Временные правила о печати 12.05.1862 г. и 06.04.1865 г., которые выполняли роль цензурного устава.

Вторым из названных документов вводилась система мер административной ответственности, которая применялась к нарушителям цензурного законодательства.

В самом начале XX столетия был принят Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17.01.1905 г., а вслед за ним Временные правила о печати от 24.11.1905 г., которые впервые в истории нормативного регулирования права на свободу слова и информации в России обозначили диспозитивный подход к контролю за издательской деятельностью, определяющий меру свободы таковой, также была отмена предварительная цензура. Указанные документы распространяли своё действие и на периодическую печать.

Тем не менее, в рассматриваемый период государством была предусмотрена уголовная ответственность за отдельные нарушения цензурного законодательства, представляющие повышенную общественную опасность. Причём в качестве меры наказания предусматривалось тюремное заключение.

Такие нормы содержались в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., а также пришедшем ему на смену Уголовном уложении 1903 г.

С переходом от царской России к советскому государству после Революции 1917 г. обозначился новый этап развития отечественного государства и права и, следствием чего стали изменения и в

рассматриваемом спектре вопросов регулирования свободы слова и информации в стране.

В числе одних из первых нормативных документов, касающихся вопросов свободы слова и печати, принятых после Революции, стал Декрет от 28.10.1917 г. «О печати», в соответствии с которым подлежали закрытию органы прессы «призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству, 2) сеющие смуту путем явно – клеветнического извращения фактов, 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.-е. уголовно - наказуемого характера» [15].

При этом, такая формулировка позволяла фактически прекратить деятельность любого печатного издания, чьи публикации шли вразрез с политикой новой власти.

Декрет содержал также декларативное положение о том, что «как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены; для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [15].

Другими словами, цензурные ограничения будут сняты и в советском государстве установится свобода слова и информации.

В продолжение политики ограничения свободы слова и информации, Декретом от 18.11.1917 г. «О государственной монополии на печатание объявлений» [14], государство объявляло монополию на печать за плату объявлений в периодических изданиях печати, сборниках и афишах, что можно рассматривать как первичный инструмент контроля за информацией, публикуемой и приобретающей таким образом определённую публичность.

Спустя месяц было принято Постановление от 18.12.1917 г. «О революционном трибунале печати», которым предусматривалось создание революционного трибунала печати, к ведению которого относились преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати, под которыми понималось «всякія сообщенія

ложныхъ или извращенныхъ сведеній о явленіяхъ общественной жизни, поскольку они являются посягательствомъ на права и интересы революціоннаго народа» [48].

Решения трибунала не подлежали обжалованию, а применяемое наказание могло включать денежный штраф, приостановку деятельности печатного издания, конфискацию собственности типографии и т.д. Причём, привлечение виновных к ответственности данным трибуналом печати не исключало и общеуголовную ответственность данных лиц.

Таким образом, на этапе становления советской власти, государство продемонстрировало достаточно жёсткий подход к вопросу регулирования свободы слова и информации, что, вероятно, было связано с необходимостью пресечения в данный период любых действий, представляющих потенциальную идеологическую опасность для нового государственного устройства.

Подтверждением фактической реализации ограничений свободы слова и информации является широкая практика принудительного закрытия печатных изданий.

Как отмечается в литературе, «всего за несколько месяцев до конца 1917 года принудительно была прекращена деятельность более чем 150 газет. Была прекращена работа даже тех газет, содержание которых носило социалистическую направленность, однако не в полной мере соответствующее коммунистической идеологии» [34, с. 50].

Специальный государственный орган по реализации государственной политики в сфере цензуры в стране был создан в 1919 году – Госиздат, к полномочиям которого относился контроль за реализацией всего издательского процесса в стране.

Спустя несколько лет Положением о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит), утверждённым Декретом от 06.06.1922 г. [13] было учреждено Главное Управление по делам литературы

и издательства при Народном Комиссариате Просвещения и его местные органы, в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений.

Таким образом в ещё большей мере структурировалась и упорядочивалась цензура, инструментом которой являлась угроза ответственности за опубликование не одобренного государством, в лице Главного Управления по делам литературы и издательства или его органов, произведения, независимо от содержания такой печатной продукции. Ответственность могла наступать по формальному критерию в виде отсутствия разрешения: «Заведывающие типографиями и заводоуправлениями под страхом судебной ответственности обязаны неуклонно следить за тем, чтобы печатаемые в их типографиях произведения имели разрешительную визу Главного Управления по делам литературы и издательства или его органов» (п. 11 Положения)

Фактически, свобода слова и информации (в ряду иных политических прав и свобод) нашла своё нормативное закрепление на уровне Основного Закона СССР лишь в 1936 г.: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: свобода слова; свобода печати; свобода собраний и митингов; свобода уличных шествий и демонстраций» [24] (ст. 125 Конституции 1936 г.)

Примечательно, что данное положение практически полностью было воспроизведено в ст. 50 Конституции СССР 1977 г. При этом, законодатель в качестве адресатов анализируемых прав указал не «трудящихся», а «народ» и в качестве одного из способов обеспечения реализации свободы слова, печати и других политических прав и свобод назвал «широкое распространение информации». Тем самым, на уровне Конституции страны свобода слова и взаимосвязанная с ним свобода печати связываются со свободой информации.

Как отмечается исследователями, нормативное закрепление права на свободу слова и информации было в большей степени формальным [66].

Тем не менее, данный процесс нормативного закрепления права на свободу слова и информации продолжался, постепенно обретая современные черты.

Ближе к концу советского периода, а именно в начале 90-х годов XX столетия, законодателем был принят Закон СССР 12.06.1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» [17].

Спустя более десяти лет, в норме данного Закона нашло своё развитие проанализированное выше конституционное положение. Законодатель указал, что «свобода слова и свобода печати, гарантированные гражданам Конституцией СССР, означают право высказывания мнений и убеждений, поиска, выбора, получения и распространения информации и идей в любых формах, включая печать и другие средства массовой информации» (ст. 1).

Кроме того, данным законоположением был установлен запрет цензуры массовой информации, что следует оценить, как переломный момент в истории становления и обеспечения права на свободу слова и информации.

В новом нормативно-правовом документе, посвящённом СМИ, который был принят уже в конце 1991 г. обозначенные ранее положения советского законодателя о недопустимости цензуры обрели большую детализацию. В ст. 3 Закона РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (Закона о СМИ) указывается: «Цензура массовой информации, то есть требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, - не допускается. Создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, - не допускается» [16].

Окончательное нормативное закрепление права на свободу слова и информации, равно, как и запрет цензуры, произошло в связи с принятием новой Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 г.

С этого момента начинается новый – постсоветский период формирования и развития права на свободу слова и информации в России. Далее обозначим более подробно место и роль анализируемого конституционного права в системе прав и свобод личности, а также сформулируем его определение с опорой на действующее законодательство и научные исследования.

1.2 Понятие права на свободу слова и информации и его место в системе прав и свобод личности

Анализируемое в рамках настоящей работы право на свободу слова и информации нормативно обозначено в ст. 29 Конституции РФ следующим образом:

«1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова.

2. Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

3. Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них.

4. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом.

5. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается».

Несмотря на краткость нормативных формулировок, используемых в Конституции РФ, относительно определения и понимания данного конституционного права есть много подходов.

Уместно сказать о том, что в науке также нет единства мнений в вопросе о том, является ли право на свободу слова и информации единым, комплексным правом, или же право на свободу слова следует рассматривать в качестве отдельного конституционного права, наряду с правом на свободу информации. Каково соотношение двух указанных категорий, являются ли они самостоятельными, или производными друг от друга?

В науке есть мнения о том, что ряд прав, нашедших своё отражение в ст. 29 Конституции РФ, являются более широкими и даже включают в себя иные конституционные правомочия.

Некоторые исследователи говорят о том, что свобода слова является «составной частью свободы информации» [9, с. 159], «частным проявлением свободы распространять информацию, свободы выражения своего мнения» [26, с. 199].

Но есть и высказывания о том, что «право на получение информации относится к обеспечению свободы слова» [28, с. 105].

В первую очередь обращает на себя внимание единая сущностная основа рассматриваемых прав, которая проявлена во взаимосвязанности информационных процессов, которые не могут быть реализованы друг без друга

Подобным родством рассматриваемых категорий и обусловлено, как видится, включение положений, касающихся свободы слова и информации в одну конституционную норму (ст. 29 Конституции РФ).

Следует полностью поддержать вывод авторского коллектива, под руководством В.Д. Зорькина (Председателя Конституционного Суда РФ) о том, что разночтения в определении права на свободу слова и информации «свидетельствуют о том, что ни одна из упомянутых в ст. 29 свобод не может рассматриваться как более общая или более значимая, но все они вместе

являются частями не имеющей наименования в Конституции свободы, сущность которой находит отражение как в разных частях комментируемой статьи, так и в корреспондирующих ей нормах международного права» [22, с. 258].

Таким образом, для определения анализируемого конституционного права авторы вынуждены прибегать к различным терминам, характеризующим отдельные аспекты обозначенного в ст. 29 Конституции РФ комплекса прав, ввиду отсутствия нормативного определения.

Для этих целей разные авторы используют такие обороты, как: «свобода слова», «свобода мысли и слова», «свобода информации», «свобода выражения мнения» и т.д.

Тем не менее, более точным и содержательным, учитывая многогранность и комплексность рассматриваемого конституционного правомочия, является оборот «свобода слова и информации».

Таким образом, представляется, что право на свободу слова и право на свободу информации являются неразрывно связанными составляющими единого, комплексного конституционного права. Их разделение и анализ в отрыве друг от друга может иметь место, но лишь условно, для реализации тех, или иных исследовательских задач.

Думается, что право на «свободу слова», как составляющая анализируемого комплексного конституционного права, должно пониматься достаточно широко (а не буквально), включая в себя выражение идей, чувств и эмоций как вербально (словесно), так и при помощи невербальных средств коммуникативного взаимодействия индивидов (тон голоса, поза тела, выражения лица, движения, жесты, мимика и т.д.)

Также важно помнить о том, что мысли могут ретранслироваться в понятной другим людям форме не только посредством речи (устной или письменной), но и невербально. Речь идёт о выражении мыслей с помощью мимики, жестов. Также средством выражения мыслей может выступать язык программирования, а также широкий спектр художественных средств

самовыражения (живопись, фотография, кино и т.д.). Данная трактовка отражается в судебной практике Европейского суда по правам человека [42], [43].

Свобода слова – это свобода в выражении мнения, а также свобода беспрепятственно придерживаться своих убеждений.

Что же касается второй составляющей права на свободу слова и информации, то относительно содержание категории «право на свободу информации» существуют также разные точки зрения, обусловленные тем, что «право на информацию не имеет легального определения ни в Конституции Российской Федерации, ни в конкретизирующем отраслевом законодательстве» [37, с. 100].

Т.Н. Колмакова полагает, что данное право «включает, прежде всего: свободу производить и искать информацию; свободу придавать информации форму сообщения; свободу передавать и распространять информацию; свободу использовать доступные каналы связи; свободу получать и расшифровывать передаваемые сообщения» [20, с. 57].

Непосредственное нормативное закрепление конституционного права на свободу информации содержится в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».

В отдельных научных работах выражается понимание содержания права на информацию как: «совокупности правомочий, содержание которых состоит в поиске, получении, передаче, производстве и распространения сведений любым способом, не нарушающим закон, а также в защите информации» [67, с. 49], что созвучно вышеназванному положению ч. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Также существует понимание права на информацию как комплексного права, состоящего из таких прав как: «свобода публичного доступа к информации; право каждого на создание, владение, пользование и распоряжение информационными ресурсами; принципа информационной

открытости деятельности государственных и муниципальных органов власти, как гарантии реализации права на информацию и соответствующего данному праву правомочия требовать; право на коммуникацию» [12, с. 48].

Таким образом, право на свободу информации является собой определённый комплекс информационных правомочий, содержательно включающих в себя, с одной стороны, создание, поиск, получение, передачу и распространение информации, а с другой стороны – информационную безопасность личности и общества.

Интересным представляется вопрос о том, является ли право на свободу слова и информации одним из основных конституционных прав, о которых говорится в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Вопрос о критериях основных прав широко обсуждается в юридической литературе. Разные авторы выделяют свои критерии, которым должны соответствовать основные конституционные права.

Например, М.В. Баглай указывает на такие признаки, как «важность, фундаментальность основных прав, их способность раскрывать естественное состояние свободы, а также высшая юридическая защита основных прав» [5, с. 167].

Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин выделяют такой признак, как «связь основных прав, перечисленных в Конституции РФ, с общечеловеческими ценностями и другими общепризнанными правами и свободами человека» [64, с. 136].

Тем не менее, Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал, что «право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, выступая одновременно гарантией всех других прав и свобод» [45], несмотря на то, что право на судебную защиту не соответствует статусу основного права, исходя из вышеназванных критериев. Представляется, что сущность основных прав не сводится лишь к вышеобозначенным характеристикам.

Как верно полагают В.А. Кочев и А.Б. Актумаев, «основные права и их гарантии связаны: во-первых, с обеспечением и защитой важнейших или наиболее уязвимых сфер жизнедеятельности личности; во-вторых, исходные конституционные ценности, каковыми выступает человек, его свобода, равенство и достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, непосредственно раскрываются в иных правах. К иным могут быть отнесены, например, дополнительные и специальные основные права; в-третьих, Конституция РФ предоставляет основным правам и свободам высшие гарантии» [27, с. 135].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, представляется, что право на свободу слова и информации правомерно считать одним из основных конституционных прав, поскольку оно выступает по отношению к ряду иных основных прав в качестве гарантии их реализации (аналогично праву на судебную защиту, относительно иных основных прав).

В этой связи стоит согласиться с мнением Л.М. Большакова, который отмечает «синтезирующий, фундаментальный характер права на свободу слова для обеспечения гарантий и реализации других прав» [7, с. 65].

Несмотря на то, что сказанное автор относит к первой составляющей анализируемого конституционного права, а именно к праву на свободу слова, его правомерно относить и к второй, не менее важной, составляющей – праву на свободу информации.

Отдельными авторами прямо выделяется такое свойство права на информацию как её связующая роль для реализации других основных прав и свобод человека и гражданина, аналогично праву на свободу слова.

Поэтому, представляется правильным утверждение Т.В. Пашниной о том, что «право на информацию можно понимать как основное, неотъемлемое право личности, выступающее в качестве гарантии полноценной реализации всей системы прав и свобод человека и гражданина» [37, с. 105].

Э.В. Талапина, также считает, что информация лежит в основе каждого конституционного права [56, с. 15].

Сказанное в очередной раз подтверждает комплексность анализируемого права и необходимость рассматривать свободу слова и информации как органичное единство, имеющее важное значение для реализации широкого спектра конституционных прав и свобод личности в правовом государстве.

Как верно указывают специалисты, «все свободы, перечисленные в ст. 29 Конституции РФ, имеют одинаково большое значение и не могут применяться без учета существующей между ними системной связи» [22, с. 257].

Среди отдельных учёных нет единства мнений относительно того, проявляется ли значение права на свободу слова и информации только в качестве субъективного права, или же имеет место объективно-правовое значение данного конституционного права.

Первичным представляется значение данного конституционного права в субъективно-правовом ключе, что предполагает понимание анализируемого права, как меры возможного поведения, включающей совокупность элементов гарантируемых законом.

Объективно-правовое значение права на свободу слова и информации проявляется в контексте реализации основ конституционного строя Российской Федерации, помогая создавать гарантии реализации идей демократии, заложенных в ст. 1 Конституции РФ, признания личности в качестве высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ), идеологического многообразия (ч. 1 ст. 13 Конституции РФ), что прямо и непосредственно связано со свободой слова и информации.

Подводя итог первой главы, следует отметить, что формирование и развитие права на свободу слова и информации в истории отечественного государства и права прошло длительный период эволюции, формируясь и

развиваясь по мере развития соответствующих правовых и социальных отношений.

Условно, формирование и развитие данного права, применительно к развитию отечественного государства и права, можно разделить на три исторических периода: дореволюционный период; советский период; современный период.

Как правило, с развитием данного права связывают существование такого политико-социального явления, как цензура, касающегося контроля со стороны государства за обнародованием информации в разных сферах, но в первую очередь, касающейся государственно-управленческой и политической сфер.

Исторические правовые документы содержат нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение правил цензуры.

В начале XIX столетия нормативное регулирование цензуры развивалось, находя большую конкретизацию в нормативно-правовых документах того времени. Совершенствовались административные средства воздействия на лиц, нарушающих устанавливаемые требования в данной сфере, усиливалось ведомственное регулирование, появились цензурные Уставы.

В начале XX столетия впервые в истории нормативного регулирования права на свободу слова и информации в России обозначился диспозитивный подход к контролю за издательской деятельностью, определяющий меру свободы таковой, также была отмена предварительная цензура. Тем не менее, в рассматриваемый период государством была предусмотрена уголовная ответственность за отдельные нарушения цензурного законодательства, представляющие повышенную общественную опасность. Причём в качестве меры наказания предусматривалось тюремное заключение.

Категория цензуры, в той или иной форме, фигурировала в нормах отечественного законодательства вплоть до нормативного запрета цензуры,

обозначенного в нормах демократической по своему содержанию Конституции РФ.

Представляется, что право на свободу слова и право на свободу информации являются неразрывно связанными составляющими единого, комплексного конституционного права. Их разделение и анализ в отрыве друг от друга может иметь место, но лишь условно, для реализации тех, или иных исследовательских задач.

Представляется, что право на свободу слова, как составляющая анализируемого комплексного конституционного права, должно пониматься достаточно широко (а не буквально), включая в себя выражение идей, чувств и эмоций как вербально (словесно), так и при помощи невербальных средств коммуникативного взаимодействия индивидов.

Свобода слова – это свобода в выражении мнения, а также свобода беспрепятственно придерживаться своих убеждений.

Право на свободу информации, как составляющая анализируемого комплексного права, являет собой определённый комплекс информационных правомочий.

Значение анализируемого комплексного конституционного права во взаимосвязи с иными конституционно-правовыми свободами личности проявляется в том, что оно позволяет строить соответствующие отношения в государстве на подлинно демократической основе, создавая возможности для построения в России действительно правового и социального государства, что провозглашено на уровне Основного Закона.

Как представляется, вне возможности фактического обеспечения в стране права на свободу слова и информации – исключается фактическая реализация целого комплекса иных ценностей, находящих своё закрепление на конституционно-правовом уровне.

Глава 2 Особенности обеспечения права на свободу слова и информации в Российской Федерации

2.1 Международно-правовые стандарты обеспечения права на свободу слова и информации

Международно-правовая основа столь важной свободы, как свобода слова и информации очевидна, с учётом закрепления данной свободы в тексте важнейших нормативных документов международно-правового характера.

В частности, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключённая в г. Риме 04.11.1950 г. [23] гарантирует, что каждый имеет право на свободу мысли (ч. 1 ст. 9 Конвенции), а также право свободно выражать свое мнение, что включает в себя свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (ч. 1 ст. 10 Конвенции).

При этом, в ч. 2 ст. 10 Конвенции оговаривается, что соответствующие ограничения данной свободы могут иметь место, так как «необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Данные положения отчасти воспроизводятся и развиваются в нормах Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН [30].

В частности, регламентируя свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, конкретизируются формы распространения информации: «устно, письменно или посредством печати

или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору» (ч. 2 ст. 19 Международного пакта).

Цели возможного правоограничения в данном направлении, установленные ч. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, воспроизводятся в Международном пакте почти дословно, но дополняются указанием на такую цель как «уважение прав и репутации других лиц» (п. «а» ч. 3 ст. 19).

В науке справедливо отмечается, что на международно-правовом уровне отсутствие каких-либо «неоправданных ограничений права на свободу слова и информации, реальное обеспечение его реализации является обязательным признаком демократического государства» [68, с. 45].

Следует сделать вывод о том, что на международно-правовом уровне применяется не буквальное, а расширенное толкование положений обозначенной ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая регулирует рассматриваемое право на свободу слова и информации.

Данный вывод следует из анализа отдельных примеров из практики Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

Так, в деле «Хендисайд против Великобритании», ЕСПЧ отметил, что «свобода выражения мнения является основной опорой демократического общества и должна применяться не только в отношении информации и идей, которые воспринимаются обществом или государством с позитивной точки зрения, но и к той информации и к тем идеям, которые могут оскорбить, шокировать или внушить беспокойство государства или определённой части населения. Данный вывод исходит из основополагающих положений плюрализма, толерантности и либерализма, являющихся основой демократического общества» [41].

Исходя из обозначенной правовой позиции, «свобода слова» понимается, в том числе, как свобода коммуникации в целом, так как содержательно включает в себя любой допустимый способ высказать своё мнение.

Допустимость разнообразных коммуникативных способов высказать свою позицию предполагает традиционный вербальный способ передачи информации, а также любые другие формы информационных сообщений – с помощью жестов, звуковых и визуальных образов.

В частности, информационные издания, имеющие статус СМИ, вправе самостоятельно выбирать форму передачи информации: интервью, авторская статья, информационный обзор, коллаж и т.д.

Как верно указывается в науке, «содержательно, ст. 10 Конвенции распространяет своё действие не только на авторов информационного сообщения, но и на любых других участников информационного взаимодействия. Свобода мнений принадлежит любому лицу, независимо от его статуса» [31, с. 216].

Это означает, что соответствующая правовая защиты распространяется на журналистов, авторов произведений, так и издателей, и любых иных лиц, которыми реализуется право на свободу информации информационные (включая лиц, не обладающих специальным статусом в соответствующей области – например, статус журналиста, редактора и т.д.).

Исходя из этого, можно сделать следующие промежуточные выводы:

- на международно-правовом уровне применяется не буквальное, а расширенное толкование положений обозначенной ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая регулирует рассматриваемое право на свободу слова и информации;
- данное толкование обуславливает достаточную гибкость правоприменительной практики в указанной сфере.

Применение соответствующих правовых позиций международно-правового характера на территории нашей страны является обязательным и выступает следствием реализации общих демократических основ защиты прав и свобод личности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 10 Постановления от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [49] обозначил, что применение Конвенции о защите прав человека и основных свобод «должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека», установив тем самым необходимость применения соответствующих правовых позиций Европейского суда по правам человека.

Подобная позиция Пленума Верховного Суда РФ также нашла своё отражение в п. 4 в Постановления от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении» [51], п. 1 и п. 9 Постановления от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [52] и ряде других постановлений, вынесенных по различным вопросам.

В свете анализируемой позиции, имеет значение положение, закреплённое в ст. 101 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым: «Суд в случаях, установленных процессуальным законодательством, при пересмотре дела в связи с принятием межгосударственным органом решения, в котором констатируется нарушение в Российской Федерации обязательств, обеспечение исполнения которых относится к компетенции этого межгосударственного органа, при применении федерального конституционного закона, федерального закона, нормативного акта Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, конституции республики, устава, а также закона либо иного нормативного акта субъекта Российской Федерации, изданного по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, приходя к выводу,

что вопрос о возможности применения соответствующего нормативного акта может быть решен только после подтверждения его соответствия Конституции Российской Федерации, обращается с запросом в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности этого нормативного акта».

Сказанное подтверждает, что на территории Российской Федерации осуществляется должный учёт места и роли Европейского суда по правам человека, а также базовых нормативных положений, направленных на защиту прав и свобод личности, включая право на свободу слова и информации.

Европейский суд по правам человека является хранителем положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, посредством вынесения решений на основе ее норм.

Действие решений Европейского суда в отношении России и сущность его решений определены нормами Конвенции, Конституции РФ и федеральным законодательством.

Российская Федерация, будучи демократическим по своей природе государством, на практике целенаправленно способствует реальному обеспечению обязательности решений Европейского суда по правам человека для российского национального права и правоприменительной практики, что находит свою непосредственную конкретизацию в различных законодательных актах, а также нормативных документах подзаконного характера.

Например, в Указе Президента РФ от 06.07.2010 г. № 836 [59] содержатся положения, регулирующие применение механизмов, направленных на восстановление нарушенных прав, а в утверждённой соответствующим Постановлением Правительства РФ Методике осуществления мониторинга правоприменения в РФ [54], обозначена необходимость синтезирования, анализа и правовой оценки практики исполнения в Российской Федерации постановлений ЕСПЧ.

2.2 Анализ конституционных гарантий, направленных на обеспечение права на свободу слова и информации в Российской Федерации

Для того, чтобы соответствующее право, или свобода находили своё объективное воплощение в реальных правоотношениях, складывающихся в обществе, соответствующее правомочие должно обеспечиваться должными гарантиями.

Поскольку право на свободу слова и информации закреплено непосредственно на конституционно-правовом уровне (ст. 29 Конституции РФ), уместно говорить, в первую очередь, о система конституционных гарантий реализации данного права.

Как представляется, в наиболее общем виде, конституционно-правовые гарантии реализации права на свободу слова и информации, можно разделить на:

- общие гарантии;
- специальные гарантии.

Общие конституционно-правовые гарантии содержатся в конституционных нормах, имеющих значение для регулирования широкого спектра прав и свобод личности, включая право на свободу слова и информации, и, в этой связи, призваны обеспечивать их реализацию.

Что касается специальных конституционно-правовых гарантий, то они содержатся в конституционных нормах, имеющих значение для реализации непосредственно права на свободу слова и информации.

В первую очередь, уделим внимание общим конституционно-правовым гарантиям реализации анализируемого права.

Одна из подобных гарантий заложена в содержании ст. 2 Конституции РФ, согласно которой, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и

гражданина – обязанность государства», являющейся одной из основ конституционного строя нашей страны.

При этом, как верно указывается отдельными авторами, «установлено правило, согласно которого никакие другие положения Конституции РФ не могут противоречить положениям, согласно которого соблюдение и защита прав свобод человека является обязанностью государства» [11, с. 120].

Таким образом, право на свободу слова и информации представляет одну из важных ценностей, что обуславливает обязанность государства соблюдать, признавать и защищать данное право.

Также в данном контексте, в качестве гарантии общего характера, следует назвать ст. 45 Конституции РФ, которая посвящена защите конституционных прав и свобод. С одной стороны, государство берёт на себя обязанность гарантировать защиту закреплённых в Основном Законе прав и свобод личности, а с другой – предоставляет каждому право защищать свои прав и свободы любым способом, который не запрещён нормами действующего законодательства.

Соответственно, в рассматриваемом контексте, ч. 1 ст. 45 Конституции РФ предопределяет обязанность государства обеспечить функционирование действенного механизма защиты права человека на свободу слова информации.

Такая защита, пишет Е.В. Морозова, «может носить как предупредительный характер (предотвращать нарушение права), так и характер негативной реакции государства на случившиеся факты нарушения права на свободу слова и информации, которые, в своём большинстве, в качестве конечного итога, должны проявляться в привлечении виновных лиц к предусмотренным мерам юридической ответственности» [32, с. 55].

Развитие гарантии реализации права на свободу слова и информации, осуществляется в ст. 46 Конституции РФ. Помимо общей гарантии судебной защиты прав и свобод личности, данная статья содержит и дополнительные механизмы осуществления судебной защиты, включённые в положения ч. 3

ст. 46 Конституции РФ, в соответствии с которыми любое лицо имеет право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, при условии, что исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Не менее важной, в связи с этим, гарантией выступает право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, обозначенное в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, что позволяет получить, в том числе, должное представление о сущности своих прав и способах их защиты, благодаря обращению к профессионалам, призванным такую помощь осуществлять.

Также в качестве общих гарантий реализации права на свободу слова и информации следует указать положения ст. 17-19 Конституции РФ, которые расположены в главе 2 Конституции РФ, посвящённой правам и свободам человека и гражданина.

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции РФ, государством признаются и гарантируются все права и свободы человека, в соответствии с «общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

Обращает внимание на то, что права и свободы гарантируются не только в соответствии с международными нормами и принципами, но и в соответствии с Конституцией РФ, что вполне логично и обосновано.

В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции РФ установлена универсальная гарантия, которая, в свою очередь, очерчивает пределы реализации соответствующего права или свободы. В частности, реализация права на свободу слова и информации не должна «нарушать права и свободы других лиц».

Без сомнения, рациональные рамки допустимого в вопросе реализации права на свободу слова и информации создаются, например, конституционно-правовыми положениями, гарантирующими неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ), тайну

переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ) также создаёт предпосылки для создания разумных рамок в регулировании анализируемого нами конституционного права.

Как представляется, ст. 18 Конституции РФ содержит следующую общую гарантию реализации права на свободу слова и информации. В соответствии с обозначенной нормой, «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Данная гарантия выступает в единой взаимосвязи с уже указанным положением ст. 2 Конституции РФ. В совокупности с положением ст. 18 Конституции РФ, такие права человека, в том числе, право на свободу слова и информации, является действующим непосредственно, что предполагает прямое действие конституционных положений, применяемых вне зависимости от того, установлено ли дополнительное регулирование соответствующего права на уровне законодательных или подзаконных актов.

Как отмечается в публикациях, подобное обстоятельство «обязывает как государство, так и других участников отношений, по крайней мере, не препятствовать субъекту, который высказывает собственное мнение или распространяет, или получает информацию» [18, с. 81].

В качестве специальных конституционно-правовых гарантий реализации права на свободу слова и информации, следует выделить более узкую группу гарантий, обозначенных непосредственно в ст. 29 Конституции РФ и ряде тесно взаимосвязанных с данной конституционной нормой положений.

Согласно ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, государство гарантирует свободу массовой информации и запрет цензуры. Таким образом, государство в качестве отдельной гарантии реализации свободы слова и информации, устанавливает запрет цензуры, которая, как уже было отмечено выше, всегда рассматривалась и рассматривается, как средство ограничения свободы слова и информации.

Как верно отмечается Ю.Г. Хамнуевым и А.Н. Тетериным, «конституционный запрет цензуры распространяется на все сферы, а не только на средства массовой информации, и является полным и абсолютным, и не предполагающим введения цензуры ни в какой форме» [65, с. 37].

Необходимо различать запрет цензуры и ограничения права на свободу слова и информацию, поскольку законодатель вынужден устанавливать определённые рамки допустимого при реализации свободы слова и информации, что нашло своё отражение, как уже было отмечено, не только в нормах российского внутригосударственного законодательства, но и в соответствующих положениях международных нормативно-правовых документов.

Согласно ч. 1 ст. 26 Конституции РФ, гражданам предоставляется право указывать или отказаться от указания своей национальной принадлежности, никто не может быть принуждён к тому, чтобы указать свою национальную принадлежность. Согласно ч. 2 вышеназванной нормы, каждому предоставляется право на использование родного языка, а также на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Следующая находящая отражение на конституционно-правовом уровне специальная гарантия связана с гарантией свободы совести, свободы вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ), в том числе, с возможностью исповедования индивидуально или совместно с другими, любой религии или не исповедовать никакой религии.

В рамках данного права можно выделить непосредственно право свободно распространять свои религиозные убеждения и взгляды, а также право свободно получать информацию религиозного характера.

По своей сути, право на получение информации о религии, выступает «частным» случаем права на свободу слова и информации – применительно к специфическому предмету такой информации.

Однозначно важной в свете реализации возможности свободно выражать своё мнение выступает гарантия собираться мирно, без оружия и проводить собрания, митинги и демонстрации, что предусмотрено в ст. 31 Конституции РФ.

В данном случае, законодатель предусматривает, по сути, коллективную форму выражения мнения, реализуемую путём собраний, что несомненно выступает в качестве проявления свободы слова. Ключевыми составляющими публичной (в том числе, групповой) формы выражения своего мнения выступает мирная направленность, отсутствие у участников собрания, митинга, демонстрации и т.д. оружия.

Достаточно важную специальную гарантию реализации анализируемого права содержит ст. 33 Конституции РФ, предоставляющая право гражданам на разного рода обращения (как индивидуального, так и коллективного характера), которые по своей природе являются одной из форм реализации права на свободу слова.

В подобных обращениях, адресованных государственным органам или органам местного самоуправления, как правило, содержится позиция конкретного гражданина или группы граждан, имеющая правовое значение, что обуславливает необходимость доведения её до сведения представителей власти.

Конкретизация права на свободу информации заложена в рамках специальной гарантии, содержащейся в ст. 42 Конституции РФ, которой гражданам гарантируется возможность получения достоверной информации о состоянии окружающей среды.

Как отмечается в публикациях, информации о состоянии окружающей среды «государственные органы и органы местного самоуправления должны распространять в общем доступе самостоятельно, при этом, любой желающий может запросить её посредством личного или коллективного обращения» [6, с. 51].

Следует согласиться с высказанным в этой связи тезисом о том, что «информация об окружающей среде не может быть ограничена в возможности её распространения и получения, т.е. на неё не может быть наложен гриф секретности и другие ограничивающие её распространение правовые режимы» [1, с. 62].

В качестве специальной гарантии реализации анализируемого права выступает право на образование, обозначенное в ст. 43 Конституции РФ. Процесс получения образования, независимо от его уровня, сопряжён с информационным обменом.

«Обращает на себя внимание то обстоятельство, что фактически Конституцией РФ установлена обязанность гражданина «получить информацию» в ходе получения обязательного уровня образования (обязанность обеспечить получения такой информации детьми возложена на родителей)» [22, с. 252] – пишут специалисты.

Весьма важное значение для реализации свободы слова и свободы информации имеют положения ст. 44 Конституции РФ, которая гарантирует, свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания.

Не сложно прийти к выводу о том, что обозначенная конституционно-правовая гарантия имеет непосредственную связь со смежным по отношению к нему правом на свободу слова и информации. По сути, положения ст. 44 Конституции РФ выступают в качестве конкретизированной формы выражения свободы слова.

Отдельная регламентация свободы литературного, художественного и других видов творчества обусловлена спецификой данной сферы. Творчество

– выступает формой выражения мыслей индивида. А литературное творчество выступает, фактически, формой выражения свободы слова, посредством языковых норм и литературных приёмов.

Кроме того, обе сферы являются общепризнанным объектом цензуры в наиболее негативных её проявлениях. В связи с этим, запрет цензуры значим и для творческой сферы, обеспечивая тем самым свободу творчества. Государство обязано поощрять и развивать искусство, обеспечивая для граждан свободу творческой деятельности.

Специальной и достаточно специфической формой конституционной гарантии в части свободы слова и информации является предоставление возможности не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (ч. 1 ст. 51 Конституции РФ).

То есть, каждый, в установленных случаях, освобождается от обязанности предоставлять информацию в виде свидетельствования, в связи с инициированным уголовным преследованием.

Отдельно в качестве гарантий реализации права на свободу слова и информации, необходимо указать чёткую регламентацию случаев, когда такие права и свободы могут быть ограничены и запрет даже временного ограничения определённых конституционных прав. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 55 Конституции РФ, не могут быть изданы законы, которые отменяют или умаляют права и свободы человека и гражданина.

Однако, такие права могут быть не отменены, а ограничены, что предусмотрено ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Ограничение должно содержаться в федеральном законе и преследовать одну из следующих целей: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Подведём итоги рассмотрения и анализа вопросов в рамках второй главы исследования.

Международно-правовая основа столь важной свободы, как свобода слова и информации очевидна, с учётом закрепления данной свободы в тексте важнейших нормативных документов международно-правового характера.

На международно-правовом уровне, учитывая подходы Европейского суда по правам человека, применяется максимально широкий подход к толкованию права на свободу слова и информацию, а применение соответствующих правовых позиций международно-правового характера на территории нашей страны является обязательным и выступает следствием реализации общих демократических основ защиты прав и свобод личности в прогрессивном обществе.

Российская Федерация, будучи демократическим по своей природе государством, способствует обеспечению обязательности решений Европейского суда по правам человека для российского национального права и правоприменительной практики, что находит свою конкретизацию в различных законодательных и подзаконных нормативных документах.

На основе анализа конституционных гарантий, направленных на обеспечение права на свободу слова и информации в Российской Федерации, можно констатировать, что спектр конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации весьма широк.

Существующие гарантии, содержащиеся в нормах Конституции РФ можно условно разделить на:

- общие гарантии;
- специальные гарантии.

Общие конституционно-правовые гарантии содержатся в конституционных нормах, имеющих значение для регулирования широкого спектра прав и свобод личности, включая право на свободу слова и информации, и, в этой связи, призваны обеспечивать их реализацию.

Данные конституционные положения довольно обширны, и включают в себя широкий спектр положений, касающихся:

- признания прав и свобод личности высшей ценностью;
- гарантий защиты (включая судебной) прав и свобод и т.д.

Что касается специальных конституционно-правовых гарантий, то они содержатся в конституционных нормах, имеющих значение для реализации непосредственно права на свободу слова и информации.

К специальным гарантиям реализации права на свободу слова и информации можно отнести те конституционно-правовые гарантии, которые закреплены непосредственно в ст. 29 Конституции РФ, а также те, что сопряжены с различными формами проявления свободы слова:

- право на указание (либо отказ от указания) своей национальной принадлежности;
- право на пользование родным языком;
- свобода совести;
- свобода собраний;
- право на обращения;
- право на получения достоверной информации о состоянии окружающей среды;
- право на образование;
- свобода литературного художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания.

Данные гарантии в едином комплексе позволяют обеспечить реализацию анализируемого конституционного права.

Глава 3 Проблемы реализации права на свободу слова и информации в Российской Федерации

3.1 Особенности реализации права на свободу слова и информации в сети Интернет

Способ распространения той, или иной, информации, безусловно, выступает в качестве важной составляющей реализации права на свободу слова и информации.

В далёком прошлом, информационный обмен совершался, в основном, посредством личного, или коллективного взаимодействия (беседа, выступление перед группой людей и т.д.). Появление возможности распространения информации печатным способом, значительно расширило коммуникативные возможности и обозначило новый этап в цивилизационном развитии.

Не случайно, что спустя столетия, стремительное развитие информационных технологий открыло новые возможности в данном направлении. Как верно отмечается в публикациях, «появление возможности распространять звук и видео, безусловно, усилило эффект от реализации права на распространение информации» [2, с. 45].

Действительно, возможности реализовать право на свободу слова и распространения информации приобрело гораздо больший масштаб благодаря современным цифровым и Интернет-технологиям, позволяющим передавать цифровую информацию в любую точку мира вне зависимости от государственных границ.

В настоящее время, развитие Интернет-технологий стремительно продолжается, при этом, нормативное сопровождение соответствующих процессов традиционно отстаёт от существующих объективных реалий, в связи с тем, что правовая наука осознает динамичные изменения соответствующих общественных отношений достаточно медленно.

По мере расширения возможностей цифровых и Интернет-технологий возрастает и беспокойство государства, связанное с тем, что обозначенные возможности могут быть использованы как для совершения широкого круга противоправных посягательств, в том числе, посягающих на общественную безопасность и государственный суверенитет.

Использование Интернет-технологий называют одной из глобальных угроз развитого «цифрового» общества. При этом, сам уровень технологического развития на современном этапе, во многом, предопределяет использование современных технологий для достижения преступного результата, являясь закономерным следствием глобализации информационно-коммуникационных технологий.

С учётом развития Интернет-индустрии, данный сегмент преступности является наиболее быстрорастущим, так как в настоящее время продолжается неуклонный рост числа Интернет-пользователей, а также параллельный рост профессионализма лиц, совершающих преступления данного рода.

В этой связи, государство, осуществляющее правовое регулирование в сфере реализации конституционного права на свободу слова и информации столкнулось с проблемой обеспечения баланса: с одной стороны, необходимо обеспечить реализацию указанного права, в том числе, с использованием широких возможностей цифровых и Интернет-технологий, а с другой – обеспечить должное предупреждение противоправного использования тех возможностей, что даёт современное технологическое развитие, защищая тем самым иные конституционные ценности.

В течение длительного времени уже упомянутый ранее Закон РФ «О средствах массовой информации» был, практически, единственным нормативным документом, регулирующим способы реализации права на свободу слова и информации. Именно данный правовой акт оперирует понятием «массовая информация», определяя отдельную специфическую сферу правового регулирования.

Под массовой информацией предлагалось понимать информацию, предназначенную для неограниченного круга лиц.

Как верно отмечается отдельными авторами, «именно с распространяемой массово информацией государство связывало необходимость установления ограничений права и, в частности, таких процедур, как регистрация и лицензирование. При этом, Закон о СМИ сводит распространение массовой информации только к деятельности по выпуску средств массовой информации» [21, с. 6].

Однако, в условиях современного информационного развития, данный аспект стал вступать в определённое противоречие с существующими реалиями.

Если в отношении отдельных граждан распространение информации, как путь реализации анализируемого конституционного права, регулируется на достаточно широких диспозитивных началах, то в отношении массовой информации ситуация иная и иные подходы к регулированию.

В частности, одним из способов распространения информации гражданами является пересылка таковой с помощью почтовой связи. Законодатель в преамбуле Федерального закона от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» [61] определяет, что данный законодательный акт «направлен на обеспечение конституционных прав каждого свободно получать, передавать и распространять информацию».

При этом, устанавливаемые ограничения достаточно либеральны, учитывая то, что процедурные составляющие реализации анализируемого права устанавливаются лишь в отдельных специфических случаях, как например в отношении почтовой связи – а в остальных ситуациях свободно от ограничений и процедурных составляющих. В связи с чем гражданин сам выбирает соответствующие способы реализации своего права на свободу слова и информации, не будучи ограниченным установленным порядком.

В сфере массовой информации регулирование иное – распространение информации данного качества осуществляется через средства массовой

информации (СМИ), что предопределяет чёткие формы распространения и виды СМИ, а также требования к таковым и процедуры легитимизации информационной продукции массового характера.

В частности, для всех СМИ обязательна государственная регистрация, а для осуществления теле- и радио вещания предусматривается нормативный порядок лицензирования.

Однако, формы массового распространения информации получили развитие в следствии развития технологий и существующее регулирование перестало в полной мере охватывать их и создавать необходимое регулирование – появились новые формы распространения и передачи информации, выходящие за существовавшие ранее «привычные» формы распространения массовой информации в виде телепередач, газет, журналов и т.д. К таковым можно отнести передачу информации на цифровых носителях, передачу информации, ориентированной на неопределённый круг лиц, через средства спутникового вещания, Интернет и иные телекоммуникационные системы.

Если обратить внимание на качества общего субъекта распространения информации, то увидим, что в качестве такового на основе положений международного и внутригосударственного права выступает любое лицо. То есть, данное право ориентировано на каждого и ограничивается лишь в зависимости от содержания распространяемой информации, а не возраста, дееспособности, гражданства её распространителя и т.д.

Тем не менее, для реализации права на свободу мысли и информации определёнными способами, ограничения для субъекта распространения устанавливаются – в частности, для распространения информации через конкретные социальные сети лицу необходимо достичь совершеннолетнего возраста, что определяется соответствующими правилами регистрации.

Для осуществления профессиональной деятельности, связанной с распространением информации в качестве редактора СМИ, журналиста также необходимо достичь возраста субъекта трудовых отношений.

Таким образом, связь субъекта – носителя права на свободу мысли и информации с возрастом, применительно к отдельным формам распространения информации, очевидна, будучи обусловленной возможностью нести ответственность за свои действия в случае нарушения прав других субъектов в процессе распространения информации в указанных формах.

В общем и целом, несовершеннолетний является равноправным субъектом анализируемого права, но отдельные возможности, обусловленные масштабами информационного взаимодействия, связаны с достижением соответствующего возраста совершеннолетия.

Тем не менее, в Интернет-пространстве распространение информации происходит достаточно стихийно и контроль за возрастом субъектов распространения информации является весьма условным.

По сути, каждый член общества, имеющий доступ в глобальную сеть Интернет начинает выступать потенциальным субъектом распространения массовой информации, которой, вполне обоснованно, Закон о СМИ считает, в том числе, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы, предназначенные для неограниченного круга лиц (ст. 2 Закона о СМИ).

Очевидно, что такая ситуация не укладывается в закрепленные Законом о СМИ рамки, что обусловило поступательное развитие законодательства о регулировании сети Интернет. Так, в последние годы существенные изменения претерпел Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [62] (Закон об информации), который стал основным источником нормативных положений, устанавливающих ограничения права на распространение информации через сеть Интернет.

Однако, эффективным существующее регулирование, осуществляемое посредством двух ключевых документов в виде Закона о СМИ и Закона об информации, назвать сложно.

В настоящее время, распространение информации через различные социальные сети и международные информационные ресурсы и мессенджеры не требует специальных знаний и профессиональных навыков.

С одной стороны, это создаёт удобство и позволяет оказывать положительное влияние на качественное социальное взаимодействие и развитие профессиональной деятельности в практически любой сфере, а с другой стороны, создаёт качественно иные, нежели существовавшие ранее, возможности для противоправной деятельности, связанной с преступным злоупотреблением правом на свободу слова и информации.

Массовое распространение информации посредством Интернет-технологий выступило мощным мотиватором для установления со стороны государства установив ряд ограничений процедурного характера.

Так, в 2012 г. [63] в Законе об информации появилась норма о возможности блокировки сайтов в сети Интернет в случае размещения на них запрещенной информации. С тех пор данный институт развивается и постоянно видоизменяется. С 2012 г. в указанный нормативный документ внесено более 40 изменений, так, или иначе, связанных с разного рода ограничительными мерами, направленными на регулирование информационного взаимодействия посредством сети Интернет. Законодатель, как показывает практика, вносил изменения в данный законодательный акт по три или более раз в год – последние изменения, связанные с указанными ограничениями в информационном пространстве, были приняты в марте 2021 г. [60]

На данный момент сформулирован достаточно широкий круг субъектов, которые могут инициировать блокировку Интернет-ресурса, а также весьма внушительный перечень оснований для этого.

Блокировка информационных ресурсов, как показывает практика, становится востребованным механизмом, хотя и создает определенные проблемы в правоприменении.

Данные нормативные изменения, реализованные в рассматриваемом направлении регулирования права каждого на свободу слова и информации в информационном пространстве заявлены как элементы механизма защиты указанного права, призванные создать условия для защиты российского сегмента Интернета как от внешних, так и от внутренних угроз.

Как констатируют отдельные авторы, «об эффективности такой защиты сложно судить по нормам права, механизмы, заявленные в законодательстве, необходимо еще создать. Однако экспертное сообщество весьма критически настроено по отношению к реализации подобных норм» [21, с. 9].

Практика свидетельствует, что наряду с социально-полезной допустимой для безопасности граждан информацией в Интернете появилась информация, потенциально опасная для общества.

Существующее положение, как пишет Р.Р. Алиуллов, «усугубляется тем, что в рассматриваемой сфере сравнительно лишь совсем недавно начали формироваться институциональные или профессиональные критерии качества и достоверности информации, а для рядового пользователя массовая коммуникация в Интернете по-прежнему кажется тотально анонимной и как бы ни к чему не обязывающей. Поэтому необходимо признать, что некоторые ограничения свободы слова в Интернете вполне оправданны и необходимы, с тем условием, что они основаны на принципе разумного баланса между информационной свободой и гарантированной защитой личных, государственных и общественных интересов» [2, с. 45].

Ситуация показывает, что масштабы и стихийность распространения информации в Интернет-пространстве диктуют необходимость разумного правового ограничения информации противоправного характера, но с другой стороны, представители власти на любом уровне государственной системы может активно злоупотреблять такого рода ограничениями, превращая их в средство непрямого «завуалированного» ограничения конституционного права на свободу слова и информации.

Тенденции установления правоограничений в информационном пространстве в мировом сообществе наблюдаются в разных странах, в особенности в периоды активизации различных террористических и экстремистских сообществ, создающих глобальные угрозы национальной безопасности на разном уровне – как на государственном, так и межгосударственном.

Но цель обеспечения национальной безопасности через регулирование информационной безопасности общества и государства, легко превращается в инструмент политического контроля и формально-легитимного средства ограничения любых проявлений свободы слова и информации, по тем, или иным причинам, «не угодные» представителям власти.

В такой форме правоограничения, осуществляемые со стороны государства становятся цензурой, которая отрицается в Российской Федерации на законодательном уровне.

Как верно указывается специалистами, «цензура, в какой бы форме ни осуществлялась, являясь государственным институтом и претендуя на роль выразителя всеобщих интересов, на деле выражает, как правило, интересы лишь незначительной части общества – исполнительной власти. Даже предполагая, что власть с помощью цензуры действует во благо своих граждан, мы понимаем, что она лишает их самостоятельного и добровольного выбора и тем самым содержит элемент насилия. Да и понятие «общественного блага» в устах чиновников звучит расплывчато и открывает простор для множества злоупотреблений» [2, с. 45].

Как представляется, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий анализируемое право на свободу слова и информации значительно видоизменилось, что безусловно требует от законодателя новых подходов к его регламентации или, точнее, упорядочения действующего законодательства. Необходимо выработать единые правила в сфере ограничения данного права как в СМИ, так и в глобальной сети Интернет. Причем, как представляется, законодательный

акцент должен быть на противоправном характере содержания информации, а не на способе ее распространения, от которого должны зависеть лишь способы воздействия на нарушителя, способы пресечения нарушения и меры ответственности.

3.2 Пределы и особенности защиты права на свободу слова и информации в Российской Федерации

Вопрос обеспечения со стороны государства адекватных средств и способов защиты права на свободу слова и информации несомненно актуален, поскольку связан с непосредственной реализацией указанного конституционного права в контексте противодействия неправомерным действиям, препятствующим его полноценной реализации, а также нарушающим иные конституционные права и свободы, органично связанные с анализируемой сферой.

В первую очередь, возникает вопрос о том, каковы пределы защиты права на свободу слова и информации – где указанное берёт своё начало и где заканчивается?

Рассмотрим отдельные аспекты, связанные с анализируемым правом, имеющие важное значение в контексте определения рамок правозащиты.

В частности, обнародуемая публично информация, являясь итогом реализации намерения лица реализовать своё право на свободу слова и информации, может нарушать права и законные интересы других лиц. В этой связи, при рассмотрении дел, связанных с распространением информации в сети Интернет, требуется разграничение между фактологическими утверждениями и оценочными суждениями.

В практике ЕСПЧ фигурирует следующий тезис: «Существование фактов можно доказать, в то время как правдивость оценочных суждений не подлежит доказыванию. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу

убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10 Конвенции» [44] (п. 30)

Соответствующей позиции придерживаются и отечественные суды, указывая следующее: «позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [38].

Между тем в судебной практике выработался подход, согласно которому «выражение субъективного мнения (оценочные суждения) не должно носить оскорбительного характера» [39].

Если информация, указывающая на противоправный характер поведения истца, носит оскорбительный характер, то даже при условии ее изложения как субъективного мнения автора ее распространение может быть основанием для заявления требования о защите деловой репутации. В частности, если речь идет о противоправном поведении организации, особенно если порочащие сведения изложены в форме утверждений о такой деятельности [36].

Таким образом, как верно отмечается отдельными авторами, «размещая, например, на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» информацию о некачественных услугах, оказанных управляющей компанией, в утвердительной форме, которые не могут быть подтверждены документально, является основанием для привлечения к ответственности» [4, с. 301].

В свою очередь, ограничения должны отвечать принципу правовой определенности и учитываться в каждой конкретной ситуации.

Соответствующие аспекты отражены в практике Конституционного Суда РФ [46], [47].

Принцип недопустимости формулирования законодателем таких положений, «которые в силу своей неопределенности и при отсутствии законных пределов усмотрения правоприменителя могут применяться произвольно» [46].

Суды также отмечают такой важный принцип, как достаточность основания для ограничения права на свободу мысли и слова, не выходя за пределы социально-значимой цели. Преследование одной лишь цели рациональной организации деятельности органов власти – не достаточное основание для ограничения прав и свобод.

«При допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату» [46] – указывается Конституционным Судом РФ.

Чёткое разграничение на частное и публичное в современных условиях фактически отсутствует, что влечет специфический правовой режим реализации и защиты гражданских прав, в рассматриваемом нами аспекте реализации права на свободу слова и информации, что находит своё отражение в материалах правоприменительной практики.

Гарантируя и охраняя право на неприкосновенность и тайну частной жизни, запрет на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни человека без его согласия (ст. 23 и 24 Конституции РФ), необходимо учитывать способы получения соответствующей информации. Под собиранием сведений о частной жизни лица понимаются умышленные действия, состоящие в получении этих сведений любым способом, например,

путем личного наблюдения, прослушивания, опроса других лиц, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений, а также путем похищения или иного их приобретения. Распространение сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (в частности, путем передачи материалов или размещения информации с использованием информационно, телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет). Иными словами, противоправный характер сбора информации о человеке будет оцениваться как «тайный», скрытый от самого человека процесс, осуществляемый без необходимого на то основания или согласия самого носителя персональной информации.

Однако не любой сбор информации может быть оценен как противоправный. Как отмечено в соответствующей правовой позиции Пленумом Верховного Суда РФ: «Не может повлечь уголовную ответственность соби́рание или распространение таких сведений в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если сведения о частной жизни гражданина ранее стали общедоступными либо были преданы огласке самим гражданином или по его воле» [53].

Таким образом, размещая на своих страницах в соцсетях фотографии или иные личные сведения, граждане фактически сами предоставляют доступ к своей личной информации, в определённой мере, отказываясь от защиты своего права на охрану тайны своей личной и семейной жизни.

Признание личных аккаунтов в социальных сетях в качестве публичных источников информации накладывает на ее владельца определённую ответственность за содержание размещаемой информации.

Так, по приговору суда Н. признан виновным в умышленном размещении на личной странице в социальной сети «ВКонтакте», доступной неограниченному кругу лиц, десяти текстов, содержащих публичные

призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма; в склонении гражданина А. в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ (Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем). Несмотря на тот факт, что сами тексты являются комментариями Корана исламского богослова из Саудовской Аравии Абдуррахмана ибн Насир ас-Саади, которые были даны в период его жизни с 1889 по 1957 годы, не относятся к современному периоду и были размещены на странице с помощью «репоста», вынесенный судом приговор был обвинительным.

Приговор был основан на экспертизе, которая указала, что десять текстов не являются цитатами из Корана, а являются вольными трактовками и личными комментариями Абдуррахмана ибн Насира ас-Саади, которые содержат высказывания и побуждения к осуществлению определенных действий (насильственных, вооруженных, направленных на лишение жизни, а также на призыв тратить денежные средства на подготовку к вооруженной борьбе) одной группы лиц (мусульман) против другой, объединенных по признакам отношения к религии (не мусульман), а также обоснование необходимости и допустимости осуществления таких действий [3].

В России действует административный запрет на распространение определенной символики и атрибутики, обозначенный в ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [19] (КоАП РФ), предусматривающей административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

Наиболее ярким примером нарушения данного административно-правового запрета, путём противоправного использования конституционного права на свободу слова и информации, является демонстрация нацистской атрибутики и символики, что является недопустимым, а также оскорбляет

память российских граждан, связанную с событиями Великой Отечественной войны.

К таковым относят, в частности, знамена, значки, атрибуты униформы, приветственные жесты и пароли, свастику, а также их воспроизведение в любой форме.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ, «демонстрацией нацистской символики признается ее публичное выставление, показ, ношение, вывешивание, изображение, воспроизведение на страницах печатных изданий или в фото-, кино- и видеоматериалах, тиражирование и другие действия, делающие ее восприятие доступным» [40].

Различные аспекты права на свободу слова также находят свою правовую защиту в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [57] (УК РФ).

В частности, в ст. 136 УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, а в ст. 140 УК РФ – за отказ в предоставлении гражданину информации.

Государство также осуществляет уголовное преследование за нарушение смежного, относительно права на свободу слова и информации, права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ), а также за воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ).

Равно, законодатель предусматривает уголовную ответственность за совершение противоправных посягательств, связанных с преступным злоупотреблением правом на свободу слова и информации.

К числу подобных преступлений можно отнести следующие противоправные уголовно наказуемые деяния:

- клевета (ст. 128.1 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ);

- заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ);
- оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ);
- оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ);
- реабилитация нацизма (ст. 354.1 УК РФ) и т.д.

Данные составы преступлений, в той, или иной форме, содержат элементы реализации права на свободу слова и информации, вопреки нравственным и правовым основам современного российского государства и общества, что является недопустимым и требует реакции со стороны государства – вплоть до привлечения виновного к уголовной ответственности и назначения наказания за содеянное.

Как уже было отмечено в ходе анализа специальных конституционно-правовых гарантий реализации права на свободу слова и информации, Конституция РФ признает и гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также преподавания. Интеллектуальная собственность также находится под законодательной охраной.

Нарушение авторских прав, в том числе, в глобальной сети Интернет, также становится предметом судебных споров. В данном случае важно учесть баланс защиты авторских прав и реализации права на свободу слова и информации, в контексте обеспеченного Конституцией РФ доступа к литературному и творческому наследию и его использованию.

Интересной и важной в рассматриваемом аспекте является позиция Пленума Верховного Суда РФ, в соответствии с которой «не являются объектами авторских прав сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (например, сообщения о новостях

дня). В отношении таких сообщений требование предварительного согласования недопустимо, за исключением случаев, установленных федеральными законами» [50].

Для законного использования результатов интеллектуальной собственности необходимо соблюдать требования действующего гражданского законодательства, в частности обязательно указывать имя автора и источник заимствования (т.е. должна быть указана работа, из которой взята цитата).

Несоблюдение данного условия означает нарушение личных неимущественных прав автора.

Использовать произведения исключительно в информационных целях допускается только опубликованные в газетах и журналах либо переданные в эфир, к ним не относятся электронные варианты газет и журналов, размещенные в сети Интернет. Кроме того, подобное использование предполагает использование статьи полностью.

Использование фрагментов статьи возможно в рамках правил цитирования произведения. Нельзя без согласия автора вносить в его произведение изменения, сокращения и дополнения, снабжение произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, на что содержится соответствующее указание в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ [35].

Подводя итоги третьей главы исследования, отметим следующие выводы.

По мере расширения возможностей цифровых и Интернет-технологий возрастает и беспокойство государства, связанное с тем, что обозначенные возможности могут быть использованы как для совершения широкого круга противоправных посягательств, в том числе, посягающих на общественную безопасность и государственный суверенитет.

Использование Интернет-технологий называют одной из глобальных угроз развитого «цифрового» общества. При этом, сам уровень технологического развития на современном этапе, во многом, предопределяет использование современных технологий для достижения преступного результата, являясь закономерным следствием глобализации информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время, распространение информации через различные социальные сети и международные информационные ресурсы и мессенджеры не требует специальных знаний и профессиональных навыков.

С одной стороны, это создаёт удобство и позволяет оказывать положительное влияние на качественное социальное взаимодействие и развитие профессиональной деятельности в практически любой сфере, а с другой стороны, создаёт качественно иные, нежели существовавшие ранее, возможности для противоправной деятельности, связанной с преступным злоупотреблением правом на свободу слова и информации.

Ситуация показывает, что масштабы и стихийность распространения информации в Интернет-пространстве диктуют необходимость разумного правового ограничения информации противоправного характера, но с другой стороны, представители власти на любом уровне государственной системы может активно злоупотреблять такого рода ограничениями, превращая их в средство непрямого «завуалированного» ограничения конституционного права на свободу слова и информации.

Тенденции установления правоограничений в информационном пространстве в мировом сообществе наблюдаются в разных странах, в особенности в периоды активизации различных террористических и экстремистских сообществ, создающих глобальные угрозы национальной безопасности на разном уровне – как на государственном, так и межгосударственном.

Но цель обеспечения национальной безопасности через регулирование информационной безопасности общества и государства, легко превращается

в инструмент политического контроля и формально-легитимного средства ограничения любых проявлений свободы слова и информации, по тем, или иным причинам, «не угодные» представителям власти.

В такой форме правоограничения, осуществляемые со стороны государства становятся цензурой, которая отрицается в Российской Федерации на законодательном уровне.

Как представляется, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий анализируемое право на свободу слова и информации значительно видоизменилось, что безусловно требует от законодателя новых подходов к его регламентации или, точнее, упорядочения действующего законодательства.

Необходимо выработать единые правила в сфере ограничения данного права как в СМИ, так и в глобальной сети Интернет. Причем, как представляется, законодательный акцент должен быть на противоправном характере содержания информации, а не на способе ее распространения, от которого должны зависеть лишь способы воздействия на нарушителя, способы пресечения нарушения и меры ответственности.

Свобода слова и информации не мыслима без создания рамок, разграничивающих правомерное использование данного конституционного права и злоупотребления данным правом, включая такое использование данного права, посредством которого формируется состав правонарушения в соответствующей сфере.

Если в первом случае речь идёт о реализации конституционной свободы, что находит соответствующие законодательные гарантии, то во втором случае – идёт уже речь о противоправном поведении, нарушающем законодательные предписания и вступающем в явное противоречие с самой основой данного конституционно-правового правомочия, адресованного каждому Конституцией РФ.

Вопрос обеспечения со стороны государства адекватных средств и способов защиты права на свободу слова и информации несомненно

актуален, поскольку связан с непосредственной реализацией указанного конституционного права в контексте противодействия неправомерным действиям, препятствующим его полноценной реализации, а также нарушающим иные конституционные права и свободы, органично связанные с анализируемой сферой.

Различные аспекты права на свободу слова также находят свою правовую защиту в нормах уголовного законодательства, что видится совершенно закономерным.

При этом, в равной мере, законодатель в нормах УК РФ предусматривает уголовную ответственность за совершение противоправных посягательств, связанных с преступным злоупотреблением правом на свободу слова и информации.

В связи с чем, следует сделать вывод о том, что наиболее опасной и требующей наиболее жёсткой реакции со стороны государства формой злоупотребления правом на свободу слова и информации, является совершение уголовно-наказуемого деяния в анализируемой сфере правового регулирования.

Данные составы преступлений, в той, или иной форме, содержат элементы реализации права на свободу слова и информации, вопреки нравственным и правовым основам современного российского государства и общества, что является недопустимым и требует реакции со стороны государства – вплоть до привлечения виновного к уголовной ответственности и назначения наказания за содеянное.

Очевидно, что реализация свободы слова в форме свободного распространения своих мнений, взглядов, а в форме распространения разного рода информации допустимо лишь в пределах установленных законодателем ограничений.

Заключение

В заключении работы подведём её итоги и сформулируем общие выводы и рекомендации, направленные на совершенствование существующего нормативно-правового регулирования.

В первую очередь, следует отметить, что формирование и развитие права на свободу слова и информации в истории отечественного государства и права прошло длительный период эволюции, формируясь и развиваясь по мере развития соответствующих правовых и социальных отношений.

Условно, формирование и развитие данного права, применительно к развитию отечественного государства и права, можно разделить на три исторических периода: дореволюционный период; советский период; современный период.

Как правило, с развитием данного права связывают существование такого политико-социального явления, как цензура, касающегося контроля со стороны государства за обнародованием информации в разных сферах, но в первую очередь, касающейся государственно-управленческой и политической сфер.

Исторические правовые документы содержат нормы, предусматривающие уголовную ответственность за нарушение правил цензуры. Категория цензуры, в той или иной форме, фигурировала в нормах отечественного законодательства вплоть до нормативного запрета цензуры, обозначенного в нормах демократической по своему содержанию Конституции РФ.

Представляется, что право на свободу слова и право на свободу информации являются неразрывно связанными составляющими единого, комплексного конституционного права, что имеет большое значение для реализации широкого спектра конституционных прав и свобод личности в правовом государстве.

Их разделение и анализ в отрыве друг от друга может иметь место, но лишь условно, для реализации тех, или иных исследовательских задач.

Тем не менее, в науке отражены и иные подходы, связанные с определением данного конституционного права. Как с точки зрения терминологии, так и с точки зрения разделения (или соединения) отдельных составляющих рассматриваемого конституционного права.

Думается, что право на свободу слова, как составляющая анализируемого комплексного конституционного права, должно пониматься достаточно широко (а не буквально), включая в себя выражение идей, чувств и эмоций как вербально (словесно), так и при помощи невербальных средств коммуникативного взаимодействия индивидов. Свобода слова – это свобода в выражении мнения, а также свобода беспрепятственно придерживаться своих убеждений.

Право на свободу информации, как составляющая анализируемого комплексного права, являет собой определённый комплекс информационных правомочий.

В действующей Конституции РФ обозначенное право нашло своё отражение, как необходимый элемент демократического, правового и социального государства, в качестве которого провозглашена Российская Федерация.

В современных реалиях значение данного права сложно переоценить, с учётом как социального, так и технологического развития общественного устройства.

Коммуникативное взаимодействие вышло на новый уровень, пересекая границы регионов и даже государств, а распространение массовой информации вышло за пределы традиционных СМИ благодаря современным технологиям, что актуализирует вопросы связанные с определением меры свободы слова и информации в прогрессивном государстве.

Значение анализируемого комплексного конституционного права во взаимосвязи с иными конституционно-правовыми свободами личности

проявляется в том, что оно позволяет строить соответствующие отношения в государстве на подлинно демократической основе, создавая возможности для построения в России действительно правового и социального государства, что провозглашено на уровне Основного Закона.

Как представляется, вне возможности фактического обеспечения в стране права на свободу слова и информации – исключается фактическая реализация целого комплекса иных ценностей, находящихся своё закрепление на конституционно-правовом уровне.

Что же касается регулирования анализируемого права на международно-правовом уровне, то можно констатировать, что международно-правовая основа столь важной свободы, как свобода слова и информации очевидна, с учётом закрепления данной свободы в тексте важнейших нормативных документов международно-правового характера.

На международно-правовом уровне, учитывая подходы Европейского суда по правам человека, применяется максимально широкий подход к толкованию права на свободу слова и информацию, а применение соответствующих правовых позиций международно-правового характера на территории нашей страны является обязательным и выступает следствием реализации общих демократических основ защиты прав и свобод личности в прогрессивном обществе.

Российская Федерация, будучи демократическим по своей природе государством, способствует обеспечению обязательности решений Европейского суда по правам человека для российского национального права и правоприменительной практики, что находит свою конкретизацию в различных законодательных и подзаконных нормативных документах.

На основе анализа конституционных гарантий, направленных на обеспечение права на свободу слова и информации в Российской Федерации, можно констатировать, что спектр конституционных гарантий реализации права на свободу слова и информации весьма широк.

Существующие гарантии, содержащиеся в нормах Конституции РФ можно условно разделить на:

- общие гарантии;
- специальные гарантии.

Общие конституционно-правовые гарантии содержатся в конституционных нормах, имеющих значение для регулирования широкого спектра прав и свобод личности, включая право на свободу слова и информации, и, в этой связи, призваны обеспечивать их реализацию.

Данные конституционные положения довольно обширны, и включают в себя широкий спектр положений, касающихся: признания прав и свобод личности высшей ценностью; гарантий защиты (включая судебной) прав и свобод и т.д.

Что касается специальных конституционно-правовых гарантий, то они содержатся в конституционных нормах, имеющих значение для реализации непосредственно права на свободу слова и информации.

К специальным гарантиям реализации права на свободу слова и информации можно отнести те конституционно-правовые гарантии, которые закреплены непосредственно в ст. 29 Конституции РФ, а также те, что сопряжены с различными формами проявления свободы слова: право на указание (либо отказ от указания) своей национальной принадлежности; право на пользование родным языком; свобода совести; свобода собраний; право на обращения; право на получения достоверной информации о состоянии окружающей среды; право на образование; свобода литературного художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания.

По мере расширения возможностей цифровых и Интернет-технологий возрастает и беспокойство государства, связанное с тем, что обозначенные возможности могут быть использованы как для совершения широкого круга противоправных посягательств, в том числе, посягающих на общественную безопасность и государственный суверенитет.

Использование Интернет-технологий называют одной из глобальных угроз развитого «цифрового» общества. При этом, сам уровень технологического развития на современном этапе, во многом, предопределяет использование современных технологий для достижения преступного результата, являясь закономерным следствием глобализации информационно-коммуникационных технологий.

В настоящее время, распространение информации через различные социальные сети и международные информационные ресурсы и мессенджеры не требует специальных знаний и профессиональных навыков.

С одной стороны, это создаёт удобство и позволяет оказывать положительное влияние на качественное социальное взаимодействие и развитие профессиональной деятельности в практически любой сфере, а с другой стороны, создаёт качественно иные, нежели существовавшие ранее, возможности для противоправной деятельности, связанной с преступным злоупотреблением правом на свободу слова и информации.

Ситуация показывает, что масштабы и стихийность распространения информации в Интернет-пространстве диктуют необходимость разумного правового ограничения информации противоправного характера, но с другой стороны, представители власти на любом уровне государственной системы может активно злоупотреблять такого рода ограничениями, превращая их в средство непрямого «завуалированного» ограничения конституционного права на свободу слова и информации.

Тенденции установления правоограничений в информационном пространстве в мировом сообществе наблюдаются в разных странах, в особенности в периоды активизации различных террористических и экстремистских сообществ, создающих глобальные угрозы национальной безопасности на разном уровне – как на государственном, так и межгосударственном.

Но цель обеспечения национальной безопасности через регулирование информационной безопасности общества и государства, легко превращается

в инструмент политического контроля и формально-легитимного средства ограничения любых проявлений свободы слова и информации, по тем, или иным причинам, «не угодные» представителям власти.

В такой форме правоограничения, осуществляемые со стороны государства становятся цензурой, которая отрицается в Российской Федерации на законодательном уровне.

Как представляется, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий анализируемое право на свободу слова и информации значительно видоизменилось, что безусловно требует от законодателя новых подходов к его регламентации или, точнее, упорядочения действующего законодательства.

Необходимо выработать единые правила в сфере ограничения данного права как в СМИ, так и в глобальной сети Интернет. Причем, как представляется, законодательный акцент должен быть на противоправном характере содержания информации, а не на способе ее распространения, от которого должны зависеть лишь способы воздействия на нарушителя, способы пресечения нарушения и меры ответственности.

Свобода слова и информации не мыслима без создания рамок, разграничивающих правомерное использование данного конституционного права и злоупотребления данным правом, включая такое использование данного права, посредством которого формируется состав правонарушения в соответствующей сфере.

Вопрос обеспечения со стороны государства адекватных средств и способов защиты права на свободу слова и информации несомненно актуален, поскольку связан с непосредственной реализацией указанного конституционного права в контексте противодействия неправомерным действиям, препятствующим его полноценной реализации, а также нарушающим иные конституционные права и свободы, органично связанные с анализируемой сферой.

Различные аспекты права на свободу слова также находят свою правовую защиту в нормах уголовного законодательства. При этом, в равной мере, законодатель предусматривает уголовную ответственность за совершение противоправных посягательств, связанных с преступным злоупотреблением правом на свободу слова и информации.

В связи с чем, следует сделать вывод о том, что наиболее опасной и требующей наиболее жёсткой реакции со стороны государства формой злоупотребления правом на свободу слова и информации, является совершение уголовно-наказуемого деяния.

Данные составы преступлений, в той, или иной форме, содержат элементы реализации права на свободу слова и информации, вопреки нравственным и правовым основам современного российского государства и общества, что является недопустимым и требует реакции со стороны государства – вплоть до привлечения виновного к уголовной ответственности и назначения наказания за содеянное.

Очевидно, что реализация свободы слова в форме свободного распространения своих мнений, взглядов, а в форме распространения разного рода информации допустимо в пределах установленных ограничений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Акимов Р.О. Конституционное право граждан на доступ к информации о состоянии окружающей среды // Защита прав человека отраслями российского права: Материалы III Межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Волгоград, 10 декабря 2010. Волгоград, 2011. С. 61-63.
2. Алиуллов Р.Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1. С. 41-46.
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 03.07.2018 г. № 203-АПУ18-12 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
4. Аристов Е.В., Ларионова М.А. Конституционно-правовые ограничения свободы мысли и слова в интернете: опыт правоприменения // Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 2. С. 299-306.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 816 с.
6. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). М.: Проспект, 2015. 272 с.
7. Большаков Л.М. Значение конституционной свободы слова для реализации прав и свобод человека, развития гражданского общества и правового государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 62-65.
8. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]: // https://bigenc.ru/domestic_history/text/4674643
9. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1997. 780 с.
10. Бурлакова Р.И. Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII - начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.

11. Волчанская А.Н. Государственные гарантии защиты прав человека // ЮП. 2012. № 2 (51). С. 119-122.
12. Гришаева Ю.И. Право граждан на информацию об организации и деятельности местного самоуправления в России: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2007. 208 с.
13. Декрет СНК РСФСР от 06.06.1922 г. «Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит)» // СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.
14. Декрет СНК РСФСР от 08.11.1917 г. «О государственной монополии на печатание объявлений» // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 22.
15. Декрет СНК РСФСР от 28.10.1917 г. «О печати» // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 7.
16. Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
17. Закон СССР от 12.06.1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.
18. Иванова К.А., Мылтыкбаева М.Ж. Свобода слова и право на доступ к информации в условиях формирования системы международной информационной безопасности // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 80-93.
19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
20. Колмакова Т.Н. Характеристика права каждого на свободу слова как основного права // Вестник экономической безопасности. 2015. № 5. С. 57-59.
21. Колобаева Н.Е. Особенности реализации права на распространение информации при использовании сети Интернет // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4. С. 4-10.
22. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.

23. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) (Заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
24. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283, 06.12.1936.
25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // «Российская газета» от 4 июля 2020 г. №144.
26. Конституция Российской Федерации: Проблемный комментарий / Отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997. 522 с.
27. Кочев В.А., Эктумаев А.Б. Право на свободу слова как основное право // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 36. С. 134-142.
28. Кудрявцев В.Н. Свобода слова. М., 2006. 390 с.
29. Куликова С.А. Конституционный запрет цензуры в Российской Федерации: содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Пенза, 2019. 22 с.
30. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
31. Монахов В.Н. Свобода массовой информации в Интернете. Правовые условия реализации. М., 2005. 451 с.
32. Морозова Е.В. Механизм реализации конституционной гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 54-66
33. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.

34. Окороков А.З. Ленинский декрет о печати. Исследования и материалы. Сборник XX. М.: «Книга», 1970. 143 с.
35. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 № 80-КГ18-12 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
36. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28.03.2018 г. по делу № 305-ЭС17-19225, А40-97932/2015 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
37. Пашнина Т.В. Дискуссионные аспекты определения термина «право на информацию» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 2. С. 98-105.
38. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.08.2019 г. № Ф01-3793/2019 по делу № А17-9661/2018 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
39. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.02.2019 г. № Ф07-761/2019 по делу № А56-50960/2017 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
40. Постановление Верховного Суда РФ от 11.12.2018 г. № 24-АД18-6 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
41. Постановление Европейского суда по правам человека от 07.12.1976 г. «Хендисайд (Handyside) против Соединённого Королевства» // СПС «Консультант плюс».
42. Постановление Европейского суда по правам человека от 24.05.1988 г. «Мюллер (Muller) против Швейцарии» // СПС «Консультант плюс».
43. Постановление Европейского суда по правам человека от 20.09.1994 г. «Институт Отто-Премингер (Otto-Preminger Institut) против Австрии» // СПС «Консультант плюс».

44. Постановление Европейского Суда по правам человека от 21.07.2005 г. «Гринберг (Grinberg) против России» // СПС «Консультант плюс».

45. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива "Содействие", общества с ограниченной ответственностью "Карелия" и ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

46. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

47. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2.

48. Постановление Наркомюста РСФСР от 18.12.1917 г. «О революционном трибунале печати» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 156.

49. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

50. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

51. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

52. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

53. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

54. Постановление Правительства РФ от 19.08.2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 35. Ст. 5081.

55. Самарин А.Ю. Под каким присмотром и цензурой печатание книг происходит: типографское дело и цензура в России эпохи Просвещения // Новое литературное обозрение. 2008. № 4. С. 356-358.

56. Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.

57. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

58. Указ от 15.01.1783 г. «О вольных типографиях» от 15.01.1783 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 21 (1781-1783). № 15634. СПб., 1830.

59. Указ Президента РФ от 06.07.2010 г. № 836 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителе Министра юстиции Российской Федерации» и в Положение, утвержденное этим Указом» // СЗ РФ. 2010. № 28. Ст. 3655.

60. Федеральный закон от 09.03.2021 г. № 43-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 11. Ст. 1708.

61. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

62. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.) Ст. 3448.

63. Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 139-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4328.

64. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.

65. Хамнуев Ю.Г., Тетерин А.Н. О чём говорит конституционный запрет цензуры // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 33-37.

66. Харитонов В.Д. Цензура в Российской Федерации // Юридический мир. 2011. № 6. С. 42-44.

67. Чеботарева А.А. Теоретико-правовые проблемы законодательного обеспечения информационных прав и свобод // Юридический мир. 2015. № 1. С. 49-53.

68. Эктумаев А.В. Свобода слова в Решениях Европейского Суда по правам человека // Вестник Пермского университета. Юридическиенауки. 2013. С. 45-50.